

Л. Г. Мощенская (Минск)

РЕАЛЬНАЯ И МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНЫ МИРА В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «БЕЖИН ЛУГ»

Среди рассказов, вошедших в «Записки охотника», «Бежин луг» занимает особое место по ряду причин: во-первых, выбором героев (это единственный рассказ, в котором в качестве действующих лиц выступают дети); во-вторых, в нем отражаются мифопоэтические представления о параллельном («темном») мире; в-третьих, наблюдается тесное взаимодействие реального мира людей и представителей иного мира; в-четвертых, оригинальна композиция рассказа, представляющая собой включение в основное повествование нескольких вставных рассказов («котел с белеющими камнями на дне»); в-пятых, исключительной ценностью обладает вербальный код повествования, который занимает доминирующую позицию по отношению к другим кодам. Своеобразие «Бежина луга» проявляется также и в том, что в нем автор больше, чем в других рассказах уделяет пейзажу, причем этот пейзаж не является фоном, обстановкой действия людей. Он играет самостоятельную и очень активную роль, о чем свидетельствует «природное» название рассказа.

Несмотря на постоянный интерес исследователей к рассказу, некоторые аспекты структуры и семантики текста остались еще недостаточно изученными. В частности, не исследовались картины мира, реального и мифопоэтического, которые соседствуют и взаимодействуют друг с другом.

I. Реальный мир в рассказе является результатом когнитивной (мыслительной) деятельности индивидуального воспринимающего сознания. Охотник-повествователь описывает типичный световой июльский день, *«когда погода установилась надолго»*, начиная с раннего утра, которое плавно переходит в полдень, затем в вечер; ночь занимает позицию дня и отступает под воздействием *«золотых потоков молодого, горячего света»*. «Светлый» мир существует днем, день является формой его бытия. Он имеет несколько конститутивных признаков, которые эксплицитно представлены на лексическом уровне текста. Остановимся на каждом из них, сопровождая лексему минимальным контекстом для создания объемного представления о реальном мире.

I. 1. Свет. «Светлый» мир яркий, в нем все проникнуто оптимизмом, страстью жизни, светом. Согласно древним представлениям, свет происходит от солнца, он является необходимым и первичным атрибутом божества, является его излучением, исходящим из центра и бесконечно изливающимся в пространстве (1, с.111). Световая лексика в рассказе образует целую лексико-семантическую группу с корнями **свет-** (свет – состояние, противоположное тьме, темноте, мраку, что дает основание видеть), **блеск-** (блеск – яркий свет, отблеск), **сверк-** (сверкать – ярко блестеть, сияя переливчатым светом), **сия-** (сиять – испускать сияние, блестеть): *звезды ... мигали слабым светом; Бледно-розовое небо светлело; Солнце светлое и приветно-лучезарное; поднимается могучее светило; (облака) проникнуты светом; краски ... светлы; блеск их (облаков) подобен блеску кованого серебра; край ... облачка засверкает змейками; полились ... по сверкающим ... кустам потоки света; Солнце ... свежо просияет; алое сиянье стоит недолго*. Свет градуирует, усиливается от утра к полудню и снижается к вечеру.

I. 2. Цвет. Реальный мир представлен не только в свете, но и в цвете. В нем переливаются белые, зеленые, красные, синие, желтые, голубые, розовые тона, гармонично сочетающиеся между собой. Цветовая гамма «светлого» мира имеет положительную знаковость: белый цвет – синтез всех цветов – является символом света, божественного начала; зеленый – цвет природы – символизирует возрождение,

обновление; красный цвет символизирует жизнь, тепло, рождение; ярко-красный (алый) или светло-красный цвета являются символом жизненной силы; желтый, золотой – символ небесного божественного цвета; голубой, лазурный, синий во всех мифологиях ассоциируются с божеством (2, с.455-457). Перечисленная тональность пронизывает все пространство «светлого» мира: *множество облаков ... с белыми краями; вихри-круговороты ... белыми столбами гуляют; уже забелелось на востоке; алое сияние стоит над землей; полились сперва алые, потом красные потоки молодого, горячего света; алое сияние стоит ... над потемневшей землей; полились по обгаренным кустам; облака ложатся розовыми клубами; множество ... облаков золотисто-серых; полились по зазеленевшим холмам облака ... также лазурны, как небо; протянутся сверху вниз голубоватые полосы; солнце... погрузится в лиловый ... туман; цвет небосклона ... бледно-лиловый.* Цветовое многообразие символизирует светлое, жизнерадостное, возрождающееся, обновляющееся начало окружающего мира, его жизнеспособность. Земля является объектом божественного попечения: могучее светило сверху льет потоки жизненной силы.

I. 3. **Видимость.** В «светлом» мире отсутствует таинственность, которая является причиной появления чувства тревоги, страха. Этот видимый мир представлен образами, возникшими на основе непосредственного восприятия окружающей действительности. Охотник-повествователь (как и его герои) видит, слышит, ощущает все то, что поддается восприятию: небосклон (*небо, солнце, заря, звезды*), атмосферные явления (*тучки, туман, облака, жар, вихри-круговороты, капли росы*), ландшафты (*осинник, скаты полей, холмы, река, луг, долина, лощина*), растительность (*кусты, густая, высокая трава, гречиха, полынь, сжатая рожь*), птиц и животных (*кулички, собаки, лошади, ястребок, перепела, голубь, цапля*), знакомые звуки и запахи, которые ассоциируются с живым миром (*живые звуки, голоса, кричали перепела, звуки колокола, запело, зашумело, заговорило, пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой*).

I. 4. **Люди.** Люди плотно заселяют пространство реального мира. Кроме самого рассказчика и пятерых мальчиков, стерегущих табун в ночном, к главным персонажам относятся герои вставных рассказов, лица, которые, не желая того, встретились с представителями иного мира (ребенок человек десять, ночевавших в рольне; Гаврила, слободской плотник; псарь Ермил; дедушка Трофимыч; мужичок, которого водил по лесу леший; Акулина-дурочка), а также герои рассказа Павла (баба-стряпуха, перебившая горшки в печи во время “предвиденья”; староста, полезший со страху в канаву; старостиха, застрявшая в подворотне; Кузькин отец Дорофеич, закричавший в овсе перепелом; бочар Вавила с новым жбаом на голове, которого крестьяне приняли за Тришку, “у-див-ительного человека”). Фоновые персонажи в количественном отношении еще более представительны: надсмотрщик Назаров, отец Кости, рассказавший историю Гаврилы; приказчик, пославший Ермила за почтой; баба Ульяна, которая на церковной паперти в родительскую субботу увидела Ивашку Федосеева и другую бабу, Ульяну; крестьяне из Костиной деревни (“сидни”), ничего не знающие о Тришке; старики из деревни Павла, говорившие о приходе Тришки во время “предвиденья”; народ, высыпавший на улицу; воры, утопившие Акима-лесника; Анютка, сестра Вани; ребяташки, купавшиеся в реке; утонувший Ваня и его мать, убитая горем, и др.

Реальный мир – это поле практической и духовной деятельности людей, их социальных связей и отношений, обычаев, культурных (мифопоэтических) представлений. Социальная градация общества, и прежде всего, разделение его по признаку “личной свободы” (дворяне, мещане) – “личной несвободы” (крепостные крестьяне) предопределяет уровень образования, общественного положения, рода деятельности, профессии и культурной ориентации человека в целом. Представители

социального верха (помещики) владеют системой научных знаний (Шаламовский барин объясняет крестьянам суть солнечного затмения) и придерживаются европейских ценностей, например, в одежде. Крестьяне имеют другие повседневные заботы, другой быт, одежду и свое мировидение основывают на мифопоэтических и религиозных представлениях (затмение солнца – это “предвиденье” конца света, появления антихриста – Тришки). Мир дворян занимает фоновую позицию в рассказе, основное внимание уделено миру крестьян. Крестьяне имеют разные должности (староста, дворовые, тягловые крестьяне), профессии (бочар, плотник, псарь, лесник). Они занимаются понятными повседневными делами: крестьянские ребятишки стерегут лошадей, работают на бумажной фабрике наряду со взрослыми; люди ходят в лес за орехами, едут в город за почтой, покупают новые жбаны, дети купаются в реке, бабы моют белье и т.д.

Крестьяне слиты с природой и представляют с ней единое целое. По словам П. Флоренского, “С природой крестьянин живет одной жизнью. ... Вся природа одушевлена, вся жива, – и в целом и в частях. Каждая былинка – не просто былинка, но что-то более значительное – особый мир” (2).

Крестьяне различаются по возрасту, полу (старики, старухи, мужики, бабы, ребятишки, девочки), внешнему виду, характеру. Из персонажей наиболее объемно изображены крестьянские дети, встретившиеся охотнику в ночном. Каждый из них отличается друг от друга внешним видом (*Федя, стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми и белокурыми волосами, светлыми глазами; у Павла – волосы вклоченные, черные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, нос большой, вся голова огромная, тело приземистое, неуклюжее; у Ильюши – лицо незначительное, горбоносое, вытянутое, подслеповатое, желтые, почти белые волосы; у Кости – лицо невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, большие, черные, жидким огнем блестящие глаза, маленький рост, сложение тщедушное; у Вани – русая кудрявая головка*); разной степенью семейного достатка (*у Феди – новый армячок, сапоги его размера с низкими голенищами; у Павла – простая замашная рубаха (сшитая из замашки, т. е. конопляной ткани, сотканной из конопли мужской разновидности, имеющей пыльцу; ткань эту еще называют посконь, посконная рубаха)* (3), *заплатанные порты; у Ильюши – новые лапти и онучи, опрятная черная свитка, тщательно стянутая толстой веревкой; Костя одет довольно бедно*), индивидуальным внутренним состоянием (*у Феди – постоянная, полувеселая, полурассеянная улыбка; Павлуша глядел очень умно и прямо, и в голосе у него звучала сила; лицо Ильюши выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; у Кости – задумчивый и печальный взор, странное впечатление производили глаза, которые, казалось, хотели что-то высказать, для чего на его языке не было слов*), разной степенью знания народных поверий и верой в них. Лучшим знатоком сельских поверий оказался Ильюша, он рассказал ребятам о домовом, нечистом, о покойном барине Иване Ивановиче, о родительской субботе, во время которой, сидя ночью на церковной паперти, можно увидеть того, кто умрет в текущем году, о Тришке, лешем, водяном, Акулине-дурочке; Костя – о русалке, стене из бучила, об утонувшем Васе, чей голос слышал Павел у реки; другие мальчики ничего не рассказали о представителях иного мира. Только один из мальчиков, Павел, объясняет странные, таинственные проявления ночной природы естественными, реальными причинами: *плеснула, должно быть, щука; собаки помчались за волком; голубок отбилсЯ от дому; Это цапля кричит; в бучиле могут жалобно кричать махонькие лягушки*. В действиях и поступках детей раскрываются их характеры, темперамент, способности. По мнению В. А. Недзвецкого и П. Г. Пустовойт, пять мальчиков из “Бежина луга” представляют собой “пять своеобразнейших типов, в такой же мере народно-русских, как и общечеловеческих”

(4). Федя – “будущий прелестник, крестьянский Дон Жуан”; Ильяша – “мистик по натуре и мировосприятию” “со страдальческим уклоном” (мистик – человек, верующий в сверхъестественное и в возможность непосредственного общения человека с потусторонним миром); Костя – поэтическая натура, стоящая “как бы на рубеже дохристианской и христианской эпох человечества”, он “одухотворяет природу, но не столько-мистически, сколько сказочно-одически”; Ваня – “представляет детство человечества с непосредственно-гармоническим взглядом на мир”; Павлуша – “рационалист и деятель по своей природе”, предвестник будущего Базарова. Он и погиб по-базаровски: “убился, упав с лошади” (5).

Так постепенно в рассказе создаются образы русской природы, раскрываются обычаи, быт, верования, характер русского народа, а вся объемная картина реального мира образует неразрывное единство физического, рационального и духовного начала

II. **Мифопоэтическая картина мира** создается народным коллективным сознанием. Она является результатом трансформации первоначальной трехъярусной мифопоэтической картины мира под влиянием христианизации языческих религиозных представлений. Бывшие мифические покровители, чудесные помощники человека постепенно низвергаются с языческих высот, негативно переосмысляются и персонифицируются народным сознанием о образах нечистой силы. Параллельный мир сохраняет трехчастную модель (верх, средний ярус и нижний ярус), но в нем существенно меняются признаки, структурирующие данное пространство. В небесной, земной и подземной частях «иного» мира сосредоточены тайные, непонятные, скрытые проявления, имеющие для людей негативные последствия. Появление параллельного мира в определенной степени прогнозируется названием рассказа с затемненной семантикой первого компонента заглавия *Бежин*. По своей грамматической форме *Бежин* относится к притяжательным прилагательным (ср.: мамин, папин, Вагин и т. д.), но грамматическая определенность мало что дает в объяснении семантики данной части топонима. Семантические и словообразовательные связи при отсутствии непосредственно мотивирующего слова (существительного) допускают опосредованное соотнесения слова *Бежин* с глаголами *бегать* / *бежать*, прилагательным *беглый*, но и они не раскрывают словообразовательную базу, а следовательно, и значение производного. В этой непонятной пространственной точке возможны таинственные проявления, что и подтверждается сюжетным разворачиванием рассказа. Недаром В. Громов давал рассказу и альтернативное название «*Бежин луг*» или «*Бесов луг*» (6). Во внетекстовом пространстве этот локус был вполне реальным: так назывался заливной луг, находившийся в тринадцати километрах от Спассково-Лутовинова, родового поместья И. С. Тургенева (7). Мифопоэтический мир рассказа обладает целой системой конститутивных признаков, которые в совокупности создают о нем целостное представление. «Темный» мир существует параллельно с миром людей на одном и том же пространстве, но в разное время суток. Деятельность представителей иного мира начинается с момента наступления темноты и заканчивается с появлением света. Это чужой мир, «нечистый», таинственный, непонятный, страшный и вредный для человека.

II. 1. **Темнота.** К первому признаку пересечения границ «чужого» мира следует отнести градуальное наступление темноты : *заря гаснет, солнце заходит тени густеют и разливаются, ночь приближается и растет, как грозная туча, все кругом чернеет, вздымается угрюмый мрак; а уж и ночь на дворе..*

II. 2. **Движение вниз.** Сначала рассказчик спускается с *холма* (*проворно спустился*), бредет по *полю*, затем попадает в *неглубокую ложину*, имевшую *вид почти правильного котла* (возникает ассоциация с адом), у него возникает ощущение, будто он *вошел в погреб*, потом он *очутился над страшной бездной* и наконец

спустился вниз (в бездну) по отвесному обрыву и оказался на излучине реки (**нечистом месте**), в котором и происходят основные события рассказа, реальные и ирреальные

II. 3. **Неожиданная потеря человеком знания.** Во мраке происходит трансформация известных мест в неизвестные, а следовательно, и в чужие; нечистая сила лишает человека знания о том, как возвратиться домой, в свое оберегающее пространство. Заблудился в знакомом месте охотник-повествователь и вместе с ребятами стал свидетелем странных ночных проявлений на излучине Бежина луга; заблудился в известном лесу Гаврила во время бор орехов (*вместо ... знакомой равнины...увидал совершенно другие неизвестные места; вот пошел он в лес по орехи, да и заблудился. Уж ходил, ходил, – нет! Не может найти дороги*).

II. 4. **Изменение эмоционального состояния человека, входящего в «чужое» пространство.** Сначала у него появляется чувство недоумения, ощущения странности, таинственности в восприятии знакомых мест. (*Я остановился в недоумении... Что за притча? ... Да где же я? Да как же я сюда зашел? Так далеко? Странно! Странное чувство тотчас овладело мною; таинственно кружась и дрожа; казалось, они сползли для тайного совещания*). Постепенно чувство таинственности сменяется тревогой, страхом и отчаянием, которые усиливаются при непосредственном контакте с обитателями «иного» мира (*сердце у меня сжалось; ходить по ней было как-то жутко; Жутко ему стало; я отчаянно устремился вперед; Мы все так ворохом и свалились в кучу, друг под дружку полезли; Уж как мы напужались о ту пору; Гаврила плотник так и обмер; Мальчики переглянулись, вздрогнули; Все мальчики перепугались*).

II. 5. **Лунный свет.** Ночной мир освещается только призрачным светом луны, отраженным светом солнца. Этот свет ложный, ненастоящий, он ассоциируется со смертью (*А месяц-то светил сильно, так сильно, явственно светит месяц, и все... видно; месяц светит; Время-то позднее, хорошенько не разберешь; словно от месяца прячется*).

II. 6. **Тишина.** «Иной» мир – это мир тишины, в котором звучат или как будто звучат отдельные непонятные крики, звуки, неопределенные шумы, воспроизводимые неизвестными субъектами (кто-то, что-то) в неопределенных местах (где-то): *Вдруг, где-то в отдалении раздался ... один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины... Прислушаешься – и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал над самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, свистящий свист промчался по реке; мальчики с недоумением переглядывались, как будто выжидая, что-то будет.*

II. 7. **Ограниченный колорит параллельного мира.** Колорит «иного» мира темный, в нем отражены черный цвет с оттенками, зеленый (*волосы у нее зеленые, что твоя конопля*), лунный, белый, белесоватый, серебряный (сама вся **светленькая, беленькая**, словно плотичка какая или пескарь, а вот еще бывает карась такой **белесоватый, серебряный**; барашек **белый**). В мифопоэтической культуре разных народов указанные цвета имеют двойственную знаковую, которая в тексте реализует только негативную семантику. Черный цвет ассоциируется с ночью, печалью, небытием, злом, со всем ложным; зеленый в данном контексте является цветом мертвых, цветом пагубного влияния; белый, белесоватый, серебряный цвета сродни мертвенной бледности покойника и савана (8). Эта цветовая гамма появляется при описании обитателей неживого мира– русалки, черта, лешего.

II. 8. **Обитатели темного мира.** Параллельный мир населен умершими людьми (*покойный барин в кафтане долгополом*), утопленниками (*Уж какой же мальчик*

был... и – их, какой мальчик был!), домовыми (**домового** видеть нельзя), лешими (стоит большой, большой, темный, скутанный... *глазищами-то, моргает ими, моргает*), русалками (Такая сама вся светленькая, беленькая, словно плотичка какая или пескарь, а вот еще бывает карась такой белесоватый, серебряный; а волосы у нее зеленые, что твоя конопля... голосок ...у ней такой тоненький, как у жабы), водяными, нечистыми (у утопленника на могиле *барашек* белый такой, кудрявый, хорошенький) антропоморфного, полиморфного или неопределенного вида.

II. 9. **Локализация нечистой силы в пространстве.** Обитатели «нечистого» мира живут в воде или около воды (*пришлось нам в **рольне** заночевать; утонул ... в этой вот **самой реке**; здесь место чистое, привольное. Одно – **река** близко; **не упади в реку; на плотине**, на порванной; там у нас утопленник похоронен; и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то; он ее, там у себя **на дне**, и испортил; стал я **к воде** нагибаться, слышу вдруг зовут меня **Васиным** голосом, и словно **из-под воды**); в лесу (*пошел в лес... да и заблудился; этак **за деревом** хорошенько не разберешь; перед ним **на ветке** русалка сидит; водил ... все вокруг одной **поляны**); на излучине реки (потом лужком пошел ... там, где он **сугибелью** выходит); в глухих, нечистых местах, в оврагах, буераках, около могил утопленников (*только **могилка** его еще видна; Кругом все такие **буераки, овраги**, а в **оврагах** все казюки водятся*)). Многие из перечисленных локусов соприкасаются с жизнедеятельностью человека, но они не являются местом непосредственного обитания человека, его домом.**

II. 10. **Локализация нечистой силы во времени:** встречи с представителями параллельного мира происходит темной ночью при лунном свете (см II.5).

II. 11. **Оборотничество.** Обитатели иного мира имеют способности к оборотничеству, они могут принимать при желании разные формы (*на могиле **барашек** стоит*).

II. 12. **Условия контактов с представителями нечистой силы.** Человек может сам вызвать появление нечистого, если ночью будет о нем говорить: мальчики в рольне ночью завели разговор о домовом (*не*), тот появился и стал пугать ребят (*не бранись, смотри, услышит, о лешем*). По сравнению с людьми представители «иного» мира занимают более активную позицию в поисках встреч с человеком (*русалка сидит ... и его к себе зовет; и **взговорит ему**; а сама **помирает со смеху, смеется, смеется**; а она ... **хохочет**, да все к себе **этак рукой зовет**; **барашек** ему **прямо в глаза** **глядит**; вдруг как **оскалит зубы**, да ему тоже «Бяша, бяша»; он у нас **мужичка обошел: водил, водил** его по лесу, и все **вокруг одной поляны**). Обитатели темного мира хотят навязать человеку свою волю, поиграть, помучить, навести порчу, болезнь (*отчего он такой **невеселый**, все **молчит**; **убивайся же и ты** до конца дней; **водяной** ее **испортил***), уморить (*защекотать она его хотела*), а иногда проследить за порядком в хозяйстве (домовой), но в целом они разрушают психофизическое здоровье человека и несут ему болезни и смерть*

II. 13. **Направленность деятельности обитателей иного мира.** Если люди занимаются практической деятельностью, необходимой для поддержания жизни взрослых и детей, выполнения крепостных повинностей, реализуют свои духовные потребности и пр., т. е. занимаются созидательным трудом, то деятельность обитателей параллельного мира иллюзорная. Они ничего не создают и, используя свои сверхъестественные возможности, только забавляются людьми и несут им беды, о чем свидетельствуют направленность их действий. Они находятся в движении (*ходить, заходить **похаживать**, пройти, пойти, подойти, спускаться*), ожидании встречи с человеком (*не **торопиться**, **подождать**, **сидеть**, **качаться***), воздействуют на него (*водить, **потащить**, **схватить**, **защекотать**, **обойти**, **испортить***), радуются тому, что могут напугать человека, заморочить ему голову (*помирать со смеху, смеяться,*

хохотать) и огорчаются, если человек освобождается от нечистого влияния, от их власти (плакать, убиваться, охать, застонать, заплакать, утирать глаза), могут издавать разнообразные звуки (закашлять, заперхаться), в том числе и членораздельные (звать, взговорить), невидимый домовый может приводить в движение различные механизмы (вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; у одного чана форма зашевелилась, поднялась, окунулась, походила так по воздуху; у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь) – и внезапно исчезнуть (пропасть), если человек освобождается от их власти (Тут она пропала, а Гавриле тотчас и понятливо стало, как ему из лесу ... выйти).

II. 14. **Способ освобождения от воздействия нечистой силы.** Спасти человека от нечистой силы может только наложение креста и молитвой (наложил-таки на себя крест; А уж как ему было **трудно крест-то класть** ... рука просто как каменная, не ворочается; С нами **крестная сила**; Ах ты, **Господи!** Ах ты, **Господи!** – проговорили мальчишки, **крестясь!**).

Параллельный мир находится в полной оппозиции к миру реальному и концентрирует в себе все отрицательные признаковые характеристики. Обе картины мира противопоставляются по субъектам обитания (люди – нелюди), временному признаку (день – ночь), по локусам обитания (деревни – нечистые места), сфере деятельности (реальная – ирреальная, созидательная – разрушительная), эмоциональному состоянию (радость – страх, плач – радость), свету (свет – темнота), цветовой гамме (жизнеутверждающая тональность – тональность небытия), по воспроизводству (созидание – разрушение, жизнь – смерть), по религиозному воплощению мировидения (христианство – язычество). Мифопоэтический мир рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг» – это мир-антипод, который человек скроил по своему пониманию и подобию; это мир антропоморфный, населенный таинственными и опасными обитателями, и только некоторые из них способны помогать людям (домовые). Существа «иного» мира могут действовать, видеть, слышать, говорить, издавать разнообразные звуки, смеяться, страдать, шутить.

Рассказ И. С. Тургенева «Бежин луг» можно отнести к поздней мифологической прозе, достоверно раскрывающей традиционные представления народа о потустороннем мире и о связях и отношениях человека с представителями этого мира.

Так в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг», который справедливо называется «шедевром русского художественного фольклоризма» (7), создается объемная картина народной жизни пореформенной России. В ней органически объединяются в одно целое природа и народ с его бытом, обычаями и верованиями, т. е. раскрывается фрагмент национального русского мира в его природном, рациональном и духовном единстве.

Литература

. Жюльен Н. Словарь символов. – Челябинск, 1999. –С. 453–457.